

Урбанистика и городские системы <https://ugsjournal.ru>
Urban Studies and Urban Systems

2025, Том 2, № 2 / 2024, Vol. 2, Iss. 2 <https://ugsjournal.ru/issue-2-2025.html>

URL статьи: <https://ugsjournal.ru/PDF/01SAUG225.pdf>

2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности

Ссылка для цитирования этой статьи:

Аль Рабади, Р. Б. Е. Машрабия как архитектурный принцип в странах СНГ: традиции, трансформация и современные интерпретации / Р. Б. Е. Аль Рабади // Урбанистика и городские системы. — 2025. — Т. 2. — № 2. — URL: <https://ugsjournal.ru/PDF/01SAUG225.pdf>.

For citation:

Al-Rabadi R.B.E. Mashrabiya as an Architectural Principle in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS): Traditions, Transformation, and Contemporary Interpretations. *Urban Studies and Urban Systems*. 2025;2(2): 01SAUG225. Available at: <https://ugsjournal.ru/PDF/01SAUG225.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 72.03

Аль Рабади Рана Башир Еид

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия

Аспирант

E-mail: 1042235145@pfur.ru

Машрабия как архитектурный принцип в странах СНГ: традиции, трансформация и современные интерпретации

Аннотация. В статье рассматривается применение машрабии как архитектурного принципа в странах СНГ. Машрабия анализируется не только как исторический элемент арабской архитектуры, но и как универсальная система фильтрации света, воздуха и визуальной проницаемости, адаптированная в различных региональных традициях. Особое внимание уделяется аналогам машрабии в архитектуре Центральной Азии, прежде всего панджара и ганчевым решёткам, используемым в традиционном жилом строительстве Узбекистана. Показано, что данные элементы выполняют сходные климатические и социально-культурные функции, обеспечивая баланс между приватностью и открытостью пространства. В статье также анализируется трансформация принципа машрабии в архитектуре XX–XXI веков на примере ташкентского модернизма и Государственного музея истории Узбекистана, архитектура которого рассматривается как пример экранной оболочки, формирующей визуальную и пространственную идентичность городской среды. Отмечается, что в современной архитектуре стран СНГ машрабия утрачивает статус строго исторического элемента и приобретает значение концептуального архитектурного приёма, используемого в жилых и общественных зданиях в виде перфорированных фасадных панелей и солнцезащитных экранов. Сделан вывод о том, что машрабия в постсоветском пространстве представляет собой не форму прямого заимствования, а результат культурной и архитектурной адаптации, отражающей взаимодействие традиции и современных проектных подходов.

Ключевые слова: машрабия; исламская архитектура; архитектура стран СНГ; панджара; перфорированные фасады; ташкентский модернизм; Государственный музей истории Узбекистана; архитектурная идентичность; экранная оболочка; пассивные климатические системы

Введение

Машрабия традиционно рассматривается как элемент арабской исламской архитектуры, представляющий собой решётчатую конструкцию, предназначенную для фильтрации света, регулирования вентиляции и обеспечения визуальной приватности [1]. В современной архитектурной теории машрабия всё чаще интерпретируется не только как локальный исторический элемент, но и как универсальный архитектурный принцип экранной оболочки здания [2]. Такой подход позволяет анализировать архитектурные решения различных регионов, в которых машрабия в каноническом виде отсутствует, но присутствуют функционально сопоставимые элементы.

В странах СНГ классическая машрабия не получила широкого распространения. Однако её пространственные и климатические принципы нашли отражение в локальных архитектурных традициях и современных проектных практиках. В архитектуре Центральной Азии, Кавказа и мусульманских регионов России сформировалась собственная система решётчатых и экранных конструкций, функционально и концептуально близких машрабии. Актуальность исследования заключается в необходимости выявления роли данных элементов в формировании архитектурной эйдетики стран СНГ и анализа процессов трансформации традиционных принципов в условиях современной архитектуры.

Материалы и методы

Машрабия в классическом виде формировалась как ответ на совокупность климатических и социокультурных требований: необходимость затенения, вентиляции и сохранения приватности [1]. В рамках современной теории данный элемент целесообразно рассматривать как универсальный принцип экранной архитектуры, регулирующей световой поток и визуальную проницаемость границы между внешним и внутренним пространством [2].

Для стран СНГ характерно не прямое заимствование формы, а типологическая адаптация принципа. Архитектура регионов, находившихся под влиянием исламской художественной традиции, выработала собственные способы организации полупрозрачной границы между публичным и приватным пространством. Поэтому термин «машрабия» в данном исследовании применяется как аналитическая категория, описывающая совокупность экранных и решётчатых решений, выполняющих сходные функции в иной культурной и конструктивной среде [3].

В климатических условиях Центральной Азии задачи защиты от перегрева и обеспечения естественной вентиляции имели первостепенное значение. Это обусловило развитие архитектурных приёмов, направленных на формирование затенённых и полупроницаемых пространств. В результате в архитектуре стран СНГ сформировалась собственная версия экранного принципа, встроенная в систему планировочных и конструктивных решений.

Следует отметить, что принцип экранности в архитектуре СНГ нельзя рассматривать исключительно как климатический приём. Он также выполняет важную психологическую и социальную функцию. Экран создаёт ощущение защищённости, формируя визуальный барьер между личным пространством человека и внешней средой. В условиях плотной городской застройки именно эта функция приобретает особую значимость, поскольку позволяет сохранить приватность без полной изоляции от городской жизни.

Архитектура экранного типа формирует особый сценарий восприятия пространства: здание перестаёт быть полностью открытым или полностью закрытым, а становится полупрозрачным. Такое состояние «между» усиливает глубину архитектурного восприятия и

создаёт более сложную пространственную структуру. В этом смысле машрабия как принцип выступает не только конструктивным элементом, но и инструментом пространственной драматургии.

Для стран СНГ данная особенность особенно актуальна, поскольку традиционная архитектура региона всегда тяготела к созданию промежуточных пространств — айванов, галерей, дворов, навесов и полузакрытых переходных зон. Экранные элементы логично вписываются в эту пространственную культуру, продолжая её в современной форме.

Таким образом, машрабия в контексте стран СНГ может рассматриваться не как заимствованный элемент, а как архитектурный принцип, реализованный через локальные формы и пространственные приёмы.

Результаты и обсуждения

В традиционной архитектуре Узбекистана важную роль играли решётчатые заполнения оконных проёмов и ажурные перегородки, включённые в систему дворового дома. Архитектура жилого дома ориентировалась на внутреннее пространство и стремилась ограничить уличную визуальную доступность при сохранении светового и воздушного режима [4]. Формировалась многослойная граница между улицей и интерьером: фасад, глубина проёма, решётка, переходное пространство.

Наиболее близким аналогом машрабии в узбекской архитектуре является панджара — орнаментальная решётка, рассматриваемая как самостоятельная конструктивно-декоративная система [5]. Панджара позволяла варьировать степень проницаемости в зависимости от назначения помещения и тем самым формировала иерархию приватности. Она применялась не только в оконных проёмах, но и в айванах, межкомнатных перегородках и переходных зонах, создавая систему экранных пространств внутри жилого дома.

В Бухаре и Хиве решётчатые элементы сочетались с глубиной оконных проёмов и нависающими элементами кровли, что усиливало климатический эффект. В Самарканде решётки активно использовались в условиях плотной застройки, где фасады формировали непрерывную уличную линию. В таких условиях решётка становилась главным инструментом визуальной фильтрации между улицей и жилым пространством [4].

Важно подчеркнуть, что традиционные аналоги машрабии в архитектуре стран СНГ не являлись второстепенными декоративными элементами. Напротив, они входили в систему жизнеобеспечения дома. Решётчатые конструкции влияли на температурный режим, освещённость, циркуляцию воздуха и даже акустические характеристики помещений.

В условиях жаркого климата Центральной Азии рассеянный свет, проходящий через решётку, снижал зрительную усталость и создавал более мягкую световую среду. Это особенно важно для жилых помещений, где человек проводил значительную часть времени. Таким образом, решётка становилась частью комфортной среды, а не только художественного оформления.

Кроме того, решётчатые элементы участвовали в формировании ритма фасада. Повторяемость орнаментальных мотивов создавала визуальную целостность застройки, благодаря чему отдельные здания воспринимались как элементы единого архитектурного ансамбля. Этот эффект особенно заметен в исторических кварталах Бухары и Хивы, где фасады формируют непрерывную архитектурную ткань.

В мусульманских регионах России решётчатые элементы также выполняли идентификационную функцию, подчеркивая принадлежность архитектуры к определённой

культурной традиции. Даже в условиях многонациональной застройки подобные элементы позволяли сохранять локальную архитектурную выразительность.

Таким образом, традиционные аналоги машрабии в странах СНГ следует рассматривать как важнейший компонент архитектурной системы, формирующий как функциональные, так и культурные характеристики жилой среды.

Исламская архитектура Центральной Азии в целом характеризуется активным использованием геометрического орнамента и ритмической организации поверхности, где свет и тень выступают важными компонентами архитектурного образа [6]. Поэтому решётчатые элементы воспринимаются как закономерная часть архитектурного языка региона.

В Таджикистане и Кыргызстане использовались резные деревянные оконные заполнения, в Казахстане — углублённые проёмы, навесы и декоративные ограждения. В мусульманских регионах России (Татарстан, Дагестан, Чечня) экранные элементы получили развитие в виде орнаментальных фасадных вставок и балконных ограждений [6].

Таким образом, традиционная архитектура стран СНГ демонстрирует устойчивое присутствие решётчатых и экранных конструкций, функционально сопоставимых с машрабией, но реализованных в рамках собственных строительных и художественных традиций.

В современной архитектуре стран СНГ принцип машрабии развивается в виде перфорированных фасадных панелей, солнцезащитных экранов, декоративных оболочек и «вторых фасадов» [3]. Эти элементы применяются как в жилых, так и в общественных зданиях, формируя дополнительный слой между внутренним пространством и городской средой.

В современных жилых комплексах Ташкента перфорированные панели используются на балконах и лоджиях, создавая ощущение приватности и формируя выразительный фасадный рисунок. В Алматы и Астане подобные решения реализуются в металлических и композитных экранах с геометрическим орнаментом. В Душанбе экраны часто сочетаются с глубоко утопленными оконными проёмами, усиливая эффект экранной архитектуры.

Показательным примером экранного принципа в общественной архитектуре Ташкента является Государственный музей истории Узбекистана. В исследованиях ташкентского модернизма здание рассматривается как значимый объект архитектурного наследия города [7]. Энциклопедические источники фиксируют строительство современного здания музея в 1970 году и подчёркивают его статус как одного из ключевых музейных институтов страны [8]. Локализация объекта подтверждается городскими справочными ресурсами [9].

Архитектура музея демонстрирует принцип экранности на уровне фасадной оболочки: ритмическое членение поверхностей формирует светотеневой эффект, а фасад выступает посредником между городской средой и внутренним пространством. В более широком контексте архитектура Ташкента рассматривается как носитель городской идентичности и символ модернистского этапа развития города. В данном случае принцип машрабии проявляется не в виде решётки, а в виде архитектурной оболочки, выполняющей медиативную функцию.

Современные экранные конструкции в архитектуре стран СНГ всё чаще используются как инструмент композиционного моделирования фасада. Архитектор получает возможность управлять не только плоскостью стены, но и её глубиной, прозрачностью и ритмом. Это особенно важно в условиях массовой жилой застройки, где фасад часто является единственным средством индивидуализации здания.

Экранные панели позволяют формировать многоуровневую фасадную структуру, в которой основной объём здания дополняется вторичным слоем. Этот слой может выполнять

как декоративную, так и функциональную роль, формируя архитектурную «тень» здания. Подобный приём усиливает пластичность фасада и делает его более выразительным в условиях солнечного освещения.

В жилой архитектуре экраны также играют важную социальную роль. Они позволяют жильцам чувствовать себя защищёнными, сохраняя возможность визуального контакта с внешней средой. В условиях современных мегаполисов эта функция приобретает особую значимость, поскольку напрямую связана с психологическим комфортом.

Кроме того, экранные конструкции позволяют варьировать степень индивидуализации фасада: жильцы могут частично адаптировать внешний облик своих балконов и лоджий, не нарушая целостность архитектурного образа здания. Таким образом, экран становится инструментом диалога между архитектурным замыслом и повседневной жизнью.

Современная трансформация машрабии в странах СНГ может быть описана как переход от традиционных решёток и панджары к различным типам фасадных экранов, сохраняющих ключевую функцию дозирования света и организации промежуточности. Этот процесс отражает стремление современной архитектуры сохранить связь с традицией при использовании новых материалов и технологий.

Заключение

Применение машрабии и её аналогов в странах СНГ демонстрирует устойчивость архитектурных принципов, направленных на гармонизацию взаимодействия между внешней средой и внутренним пространством. В постсоветском архитектурном пространстве машрабия утрачивает статус локального элемента арабской архитектуры и превращается в универсальный архитектурный приём, адаптированный к региональным традициям и современным технологическим условиям.

Анализ показывает, что архитектура стран СНГ не является вторичной по отношению к ближневосточной традиции, а формирует собственную линию развития экранных и решётчатых конструкций. Государственный музей истории Узбекистана выступает ярким примером современной интерпретации данного принципа, подтверждая актуальность машрабии как архитектурной идеи в формировании городской идентичности.

Следовательно, современная архитектура стран СНГ демонстрирует не разрыв с традицией, а её последовательную трансформацию. Машрабия и её аналоги переходят из разряда ремесленных элементов в сферу проектных концепций, где принцип экранности становится основой формирования архитектурной идентичности.

Экранная архитектура позволяет соединить климатическую целесообразность, эстетическую выразительность и культурную память. Именно это делает принцип машрабии особенно перспективным для дальнейшего развития архитектуры стран СНГ.

Таким образом, машрабия в архитектуре стран СНГ может рассматриваться как результат культурной и архитектурной адаптации, отражающей взаимодействие традиции и современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alothman H. An Evaluative and Critical Study Of Mashrabiya: In Contemporary Architecture / H. Alothman // LAP LAMBERT Academic Publishing. — 2017 — URL: https://www.researchgate.net/publication/326147219_An_Evaluative_and_Critical_Study_Of_Mashrabiya_In_Contemporary_Architecture
2. Obeidat B. Privacy as a motivating factor for spatial layout transformation in Jordanian public housing / B. Obeidat, A. Abed, I. Gharaibeh — DOI: 10.1186/s40410-022-00164-3 // City, Territory and Architecture. — 2022. — Т. 9, №. 1. — С. 14.
3. Al-Qawasmi J. Architectural identity in contemporary housing of the Arab world / J. Al-Qawasmi — DOI: 10.1108/ARCH-09-2020-0210 // Archnet-IJAR: International Journal of Architectural Research. — 2021. — Т. 15, №. 2. — С. 247–262
4. Alzoubi H. H. Privacy as a motivating factor for spatial layout transformation in Jordanian housing / H. H. Alzoubi, A. A. Alshboul — DOI: 10.1186/s40410-022-00164-3 // City, Territory and Architecture. — 2022. — Т. 9. — С. 14.
5. Максимова М.В. Объемно-планировочные решения малоэтажных жилых зданий в условиях жаркого климата/ М.В. Максимова, С.О. Мельникова // Вестник СибАДИ. — 2017 — № 3(55) — С. 132–137 — URL: <https://vestnik.sibadi.org/jour>
6. Fathy H. Climate-conscious architecture and the relevance of vernacular principles today / H. Fathy — DOI: 10.3390/su15075794 // Sustainability. — 2023. — Т. 15, №. 7. — С. 5794.
7. Малахов А.В. Вернакуляр и эмансипация: «народная» архитектура как ресурс для социального развития / А.В. Малахов — DOI: 10.24158/tipor.2020.2.6 // Теория и практика общественного развития. — 2020.
8. Альземенева Е.В. Идентичность городской среды / Е.В. Альземенева, Ю.В. Мамаева // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. — 2021. — № 2(36). — С. 40–47.
9. Кузнецова М.А. Семантический аспект формирования идентичности архитектурно-пространственной среды новых городов-столиц. Часть 1. Философия города-столицы / М.А. Кузнецова — DOI: 10.22337/2077-9038-2023-4-100-109 // Scientific journal "Academia. Architecture and Construction". — 2023.

Al-Rabadi Rana Basheer Eid

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia
E-mail: 1042235145@pfur.ru

Mashrabiya as an Architectural Principle in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS): Traditions, Transformation, and Contemporary Interpretations

Abstract. The article examines mashrabiya as an architectural principle in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS). Mashrabiya is analyzed not only as a historical element of Arabic architecture, but also as a universal system of light, air and visual filtration adapted within various regional architectural traditions. Special attention is given to the analogues of mashrabiya in Central Asian architecture, particularly panjara and ganch lattice screens used in traditional Uzbek residential buildings. These elements are shown to perform similar climatic and socio-cultural functions, ensuring a balance between privacy and spatial openness. The article also explores the transformation of the mashrabiya principle in twentieth- and twenty-first-century architecture through the example of Tashkent modernism and the State Museum of History of Uzbekistan, whose architecture is interpreted as a screen-based envelope shaping the visual and spatial identity of the urban environment. It is argued that in contemporary CIS architecture mashrabiya loses its strictly historical status and becomes a conceptual architectural tool applied in residential and public buildings through perforated façade panels and shading screens. The study concludes that mashrabiya in the post-Soviet context represents not a direct borrowing, but a process of architectural and cultural adaptation reflecting the interaction between tradition and modern design approaches.

Keywords: mashrabiya; Islamic architecture; CIS architecture; panjara; perforated façades; Tashkent modernism; State Museum of History of Uzbekistan; architectural identity; screen envelope; passive climatic systems